

Джон Эгню

ДЕНЕЖНЫЕ ИГРЫ: ВАЛЮТА И ВЛАСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ¹

Львиная доля дискуссий о мировой экономике, идущих в среде радикальных географов, все еще вертится вокруг понятий либо американской гегемонии, либо американской империи. Однако многие государства и прочие акторы мировой политики уже являются частью различных глобальных политико-экономических конфигураций, которые не ограничиваются указанными возможностями. Строго говоря, мировая экономика в целом никогда не была целиком привязана к экономике США. Это особенно верно в отношении мировой денежной системы, начавшая с 1980-х гг. Но мы привыкли мыслить мировую экономику как завязанную на США, а распространение с 1980-х гг. неолиберальной глобализации, освятившей так называемый англо-американский капитализм, как глобальный стандарт экономической практики. Сегодня перемены заметны даже в сферах, где доминирование США носит системный характер, в частях света, наиболее тесно увязанных с американской экономикой, институты которых практически полностью лишены независимости. Установившийся с 1970-х гг. в самом средоточии находящейся под американским контролем мировой финансовой системы режим плавающего валютного курса ныне привел к тому, что противоречия американской экономики, распространившейся по всему миру, вернулись домой (Bulard 2008; Wade 2008)². В такой ситуации вероятность того, что США смогут остаться единственным источником силы в новой, по крайней мере, потенциально *глобальной* системе, как то было в 1944 г. в Бреттон-Вудской системе, а также после 1971 г. вместе с либерализованной системой плавающего курса, крайне невелика. Нас ждет радикальное перераспределение власти в пользу мировых стран — кредиторов с управляемым валютным курсом, например, Китая. Данные

страны начнут играть ключевую роль при любых условиях. Одновременно нас ждет укрепление более чем одной денежной игры, то есть системы денежных отношений, регулирующих деятельность государств и компаний. На данном этапе есть лишь очень небольшая вероятность появления нового единого центра власти. Мировая экономика сегодня опирается более чем на одну модель денежной / экономической власти. Цель данного эссе — описать эти модели и показать, как именно они возникли и что с ними происходит в условиях нынешнего мирового финансового кризиса.

Хотя мировой финансовый коллапс 2008 г. и побудил США, Великобританию и иные страны, столкнувшиеся с резким обрушением рынков, к возобновлению практик активного государственного вмешательства в экономику, вероятность выхода подобных экономических мер за пределы одного государства крайне мала. Даже если англо-американская модель мирового капитализма и переживает сейчас серьезные трудности, это само по себе не значит, что нас ждет неизбежный коллапс глобализации как таковой. Важной частью англо-американской модели было повсеместное распространение модели демократического капитализма, ассоциирующегося с рейганизмом в США и тэтчеризмом в Великобритании, но восходящего в своих истоках к особой локальной социологии процветающего «среднего класса» и ужасного опыта Великой депрессии (все это привело к увеличению числа домовладельцев, а также к иным проявлениям массового потребления). Правда, в последние годы данные тенденции не подкреплялись необходимым ростом медианных личных доходов³. Практика внешнего заимствования с целью финансирования американских и британских задолженностей по кредитным картам, а также по ипотеке, похоже, подошла к концу. Конечно, данная система благоволила, прежде всего, тем банкирам и брокерам, которые занимались ипотечными кредитами и иными финансовыми механизмами, а отнюдь не тем людям, которые ныне лишились активов и богатств. В геополитическом отношении данный кризис может означать шоковый удар по лидерству США в процессах глобализации (особенно в ее неолиберальных формах, получивших распространение в 1980-х гг.), от которого будет трудно оправиться. Лидерство Штатов опиралось на использование американской валюты в качестве основного средства мировой торговли и инвестиций. Однако данная валюта может выполнять свои нынешние глобальные функции лишь в том случае, если иностранцы рассматривают американскую экономику как относительно стабильное и привлекательное направление для своих инвестиций, а американские компании — как ответственных брокеров, способных удовлетворить огромный диапазон интересов (Walter 2006). Некоторое время данные предпосылки казались открытым вопросом. Ныне они насквозь проблематичны.

Возглавляемая США *неолиберальная* глобализация, начавшаяся в 1970-х гг., представляет собой лишь часть истории современной мировой экономики.

1. Agnew J. Money Games: Currencies and Power in the Contemporary World Economy // Antipode. 2009. Vol. 41. No. 51. P. 214–238.

2. О культурной природе англо-американской системы капитализма (взгляды на конкуренцию, эффективность и т.д.) см.: d'Iribarne 1997.

3. Это так называемое общество собственности или рыночной площади. См. например: Agnew 1981; 2005.

На мой взгляд, она была переоценена нами. В мире наряду с неолиберальной глобализацией имел место целый ряд других экономических взаимодействий и политических стратегий⁴. Последние, скорее всего, достигнут процветания в контексте текущей политико-экономической конъюнктуры. В данном эссе я попытаюсь выделить четыре основных типа политико-экономических режимов, действующих в современной мировой экономике. Далее я продемонстрирую, как именно они работают в понятиях различных типов денежных игр⁵. Наконец, я сделаю предположение о том, что мировая экономика вполне может стать свидетелем усиления наименее неолиберальных режимов и связанных с ними игр. Я утверждаю, что некоторым из этих игр необходимо оказать поддержку, такая мера поможет мировой экономике, в которой вопреки претендующей на универсальность модели неолиберализма существует множество режимов осуществления денежных операций. Такой вариант развития событий не просто географически ограничит опасности лопанья очередного мирового экономического пузыря, он также позволит государствам и народам всего мира обрести большую свободу для политического действия и избежать необходимости встраивания в одну гегемонистскую систему⁶. Вместо одной системы глобального денежного и финансового регулирования, вытекающей из догматов того самого англо-американского капитализма, который и завел нас в нынешний тупик, нам требуется система, чутко относящаяся к локальным различиям в уровне развития и склонности к регулированию экономики. Данная система должна будет иметь минимальный набор директив, регулирующих международные внешние эффекты экономической деятельности. Таким образом, закат США как единственного гаранта и источника единой неолиберальной глобализации вполне может иметь очень позитивные политико-экономические следствия.

ГЕОГРАФИИ ВЛАСТИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Ученые, исследующие данную проблему с разных теоретических позиций, говорят о тесной взаимосвязи между деньгами и властью в современном мире⁷. Доминирующая тенденция — это рассматривать данные отношения, прежде всего, в свете принуждения, игнорируя их особое географическое

опосредование. В лучшем случае, в мышлении преобладают бинарные оппозиции в духе центр—периферия. Так, твердая валюта противопоставляется мягкой, а резервная и торговая валюта — той, которая используется исключительно в национальных границах. На мой взгляд, куда полезней прежде всякого дальнейшего обсуждения начать с базового рассмотрения природы власти.

Согласно Майклу Манну, современная власть всегда имела два измерения: деспотическая власть и власть инфраструктурная (Mann 1984). Если первая касается власти, осуществляемой социально-экономическими элитами, занимающими государственные посты, то вторая — власти, присущей государству как таковому, вытекающей из его функции по обеспечению населения инфраструктурой или общественными благами. Львиная доля социальных наук, как мейнстримных, так и радикальных, обращала внимание на тот или иной аспект, но никогда на оба сразу. Исторически рост относительной важности инфраструктурной власти, связанный с тем, что элиты в результате политической борьбы оказались вынуждены с большим вниманием относиться к простому населению, привел к территориализации политической власти. До недавних пор технологии обеспечения общественными благами были тесно связаны с территориями, не в последнюю очередь из-за возможности использования позитивных внешних эффектов. Однако сегодня инфраструктурная власть все чаще разворачивается через сети, которые хотя и расположены в отдельных локусах, все же не имеют обязательной территориальной привязки к тем полям внешних эффектов, которые они производят. Таким образом, валюты, системы мер, торговые сети, образовательные и социальные услуги больше не должны ассоциироваться с эксклюзивным членством в конвенциональном территориально ограниченном национальном государстве. Новое расширение инфраструктурной власти как детерриториализировало существующие государства, так и ретерриториализировало союзы вокруг городов и прибрежных зон, а также континентальных политических единиц, например, Европейского союза (Scott 1998). Происходит одновременное повышение и понижение соответствующих географических полей инфраструктурной власти в зависимости от политэкономии масштаба различных регулирующих, производственных и перераспределяемых общественных благ. Следовательно, «... чем больше политэкономии масштаба доминирующих благ и активов отличаются от структурного масштаба национального уровня — и чем больше данные расхождения будут усиливать друг друга за счет целого комплекса отношений — тем больше будет размываться и подрываться как изнутри, так и снаружи авторитет, легитимность, способность к политическим решениям и эффективной реализации этих решений государства» (Cerny 1995: 621). В США данная проблема усугубляется сложностями координирования целей и направлений в условиях раздробленной федеральной системы управления.

По всему миру сегодня можно наблюдать самые причудливые сочетания географии деспотической и инфраструктурной власти. Два ключе-

4. С разных позиций данный тезис обосновывается в следующих работах: Startt 2006; Stulz 2005; Armijo 2001; Braga de Macedo et al 2001.

5. Под «игрой» я не имею в виду понятие «игры» из «теории игр», я использую данное понятие метафорически для обозначения различных правил и стратегий, связанных с различными режимами валютного курса и их основными акторами.

6. Исходя из такой перспективы, я с симпатией отношусь к позиции Робин Блэкберна, который пишет: «финансовый режим должен носить демократический, региональный и делегируемый характер, также он должен иметь национальные и глобальные ограничения, нормы и цели. Как некогда было сказано, социализм — это не монистическая практика» (Blackburn 2008; 2009:135).

7. Например, исходя из совсем разных аргументов: сравните Фергюсона (Ferguson 2001) справа и Парбони (Parboni 1985) слева.

вых измерения для типологии политико-экономической суверенности государства (паттерны контроля и власти) определяются относительной силой централизованной государственной власти (государственная деспотическая власть) на одной оси и ее относительной консолидацией в государстве территориально (инфраструктурная власть государства) — на другой. Первое предполагает суждение о степени того, насколько государство обладает и поддерживает эффективный и легитимный аппарат управления. Последнее касается степени того, насколько обеспечение общественных благ и функционирование рынков обеспечивается государством и оказывается регулируемым и ограниченным территориально. Данные измерения определяют как степень государственной автономии, так и степень того, насколько она является территориальной на практике. Хотя на практике чаще встречаются скорее смешанные случаи, чем данные категории в чистом виде, в целях теоретической дискуссии и эмпирического анализа мы все же выделим четыре идеальных типа. Данные случаи по своему характеру носят соотносительный характер, они призваны описать то, как суверенность реализуется в пространстве и времени, а не то, как существующие государства могут быть изящно втиснуты в отдельные территориальные категории.

Литература, критически относящаяся к гиперглобалистским концепциям глобализации, склонна делать схожие утверждения на основе простых наблюдений за мозаическими по своей природе влияниями глобализации, а также за ее собственным крайне неоднородным характером. Так Хелен Милнер и Роберт Кохане указывают, что «влияние мировой экономики на страны, открытые ее воздействиям, вовсе не оказывается унифицированным» (Milner, Keohane 1996: 14). Что касается характера глобализации как таковой, то Пол Хирст, Грэм Томпсон и Дэвид Хелд среди прочих отмечают, что она представляет собой не единый процесс, но скопление множества различных культурных, политических и экономических процессов, которые комплексно и разнородно опутали и сплели различные локусы мировой сетью взаимосвязанности (Hirst, Thompson 1996; Held et al 1999).

Таблица 1: Режимы суверенности

		Государственная территориальность	
		консолидированная	открытая
Центральная государственная власть	более сильная	классическая	глобалистская
	более слабая	интегративная	империалистическая

Выделяемые мной четыре идеальных типа политико-экономических образований могут быть названы «режимами»; это сделано для того, чтобы указать — любой реальный пример может не соответствовать во всей точности конкретному режиму, но являться их комбинацией (Рисунок 1). Под режи-

мом я имею в виду доминирующую логику политико-экономической организации, относящуюся к данному государству или группе государств. В этом смысле данное понятие укореняет власть в государстве. Однако делается это с полным признанием значимости иных источников власти, действующих вне зоны досягаемости конкретного государства. Я имею в виду негосударственных акторов как выходящих в своей деятельности за границы государства (фирмы — спекулянты, агентства кредитных рейтингов и т. д.), так и действующих внутри него: бизнес-структуры, союзы, некоммерческие организации, политические партии и прочие структуры, преследующие цели, подразумевающие действия за или против различных режимов. «Автономное» государство Манна — не единственный участвующий актор. Такое понимание «режима» следует четко отличать от «режима», который относится лишь к эксплицитным договоренностям между государствами в отношении определенных зон (хотя подобные соглашения в той мере, в какой они подразумевают делегирование или объединение власти, также будут покрываться моим пониманием данного понятия). Из четырех типов *классическим* является тот, который больше всего напоминает историю вестфальского государства, однако даже здесь могут быть затруднения (например, Гонконг и Тайвань для Китая). Классическим случай может быть назван тогда, когда как деспотическая, так и инфраструктурная власть реализуются внутри государственных территорий (пусть и при условии высокой степени зависимости от прямых инвестиций и заграничных рынков для экспорта собственной продукции), а также когда налицо в высшей степени эффективная центральная политическая власть. В широких политико-экономических понятиях классическая связка власть — государство может быть лучше всего осмыслена как нечто родственное доктрине меркантилизма с ее тотализацией территориальных границ и ее акценте на центральном государственном регулировании всех сделок, совершаемых на территории государства. Современный Китай — хороший тест на то, как долго подобная абсолютная суверенность сможет сопротивляться императивам делегирования власти, а также необходимости поддерживать демократическую легитимность государства в ситуации все большей открытости внешнему миру. Внутренний прессинг допускает все большие политические разногласия вокруг экономического и социального неравенства, а также региональных проблем (например, в Тибете), что указывает на то, что данная модель подвергается серьезным внутренним потрясениям. Возможно даже, ее ждет реструктурирование.

Второй тип напоминает историю, которая делает акцент на иерархии в мировой политике, но скорее с сетевым доступом к пространству, чем с прямым территориальным контролем. Подобный *империалистический* режим во всех отношениях является прямой оппозицией классическому типу. Центральная государственная власть оказывается под серьезным вопросом не только в силу внешней зависимости и манипулирования, но и из-за коррупции и систематических изъянов в управлении; территория государства также оказывается подвержена опасностям сепаратизма, мест-

ным восстаниям и плохой инфраструктурной интегрированности. Инфраструктурная власть слаба или же вообще не существует, а деспотическая власть находится под внешним контролем (в том числе под контролем таких международных институтов, как МВФ, а также далеких, но очень могущественных государств). Данный случай является империалистическим, пусть даже он и опирается на согласие и кооперацию местных элит, так как данная практика суверенности неминуемо увязана с зависимым политико-экономическим статусом регионов, где данные государства существуют (например, на Ближнем Востоке, в Африке к югу от Сахары и в некоторых частях Латинской Америки). Территориальное вторжение доминирующих внешних сил, например, США в Центральную Америку и Карибский регион, а также в Ирак, может сопровождаться принудительным возникновением постоянных военных баз⁸.

Если брать конвенциональные и критические представления о государстве и власти, то два других типа куда менее банальны. Третий тип — *интегративный*, представленный Европейским союзом. В данном случае отправление власти сопряжено с множеством тонкостей, связанных с сосуществованием различных уровней / ярусов государства и различных функциональных сфер, которые по-разному представлены на разных уровнях, начиная с уровня ЕС и заканчивая уровнем национального государства и регионов внутри государства. Однако территориальный характер некоторых из этих инфраструктурных властей отрицать трудно (возьмите, например, сельскохозяйственную политику), пусть даже центральная государственная власть как в ЕС в целом, так и в государствах-членах куда слабее, чем она была во время Европы национальных государств. Совершенно очевидно, что многие из ключевых государств вестфальской системы решили скрестить свои судьбы и создать крупную трудно классифицируемую политическую сущность, которая бросает целый ряд функционально комплексных и зачастую территориально не определимых вызовов существующей власти государства (Hofmann 2008).

Наконец, четвертый тип — *глобалистский*. Наверное, лучший пример из сегодняшнего дня — это власть, которой обладают США как внутри, так и за пределами своих номинальных национальных границ. Данная власть позволяет стране подстраивать другие державы под свою политику. Великобритания в начале XIX в. обладала схожей властью. В обоих случаях предпринимались попытки подчинения себе новых государств как за счет кооптации и согласия, так и за счет принуждения. Собственно, глобализацию (вместе с рядом технологических и экономических изменений) можно рассматривать как процесс втягивания государств и иных акторов в глобалистский режим⁹. В такой оптике глобалистское государство предстает как опи-

рающееся на гегемонию в смысле сочетания потенциального принуждения и активного согласия, используемого для приведения всех остальных в соответствие со своими целями. Революция в информационных технологиях и телекоммуникациях вкупе с концом Бреттон-Вудской денежной системы в начале 70-х гг. позволила понизить транзакционные издержки в финансовых центрах и стимулировать дерегулирование финансовых рынков до такой степени, что сети, соединяющие различные мировые финансовые центры (в частности, в Нью-Йорке, Лондоне и Токио), все больше становятся коллективными центрами глобалистского режима. В результате получается, что данный тип в гораздо большей, чем все остальные типы, степени опирается на нетерриториальные механизмы власти. Благодаря им рынки смогли бросить вызов власти государств. Сегодня рынки как системы власти и контроля занимают привилегированное положение в сети мир — город. Мировая экономика в современном мире поистине глобальна, степень этой глобальности беспрецедентна — в географическом масштабе; в скорости транзакций между разрозненными местами; в обесмысливании стандартных территориальных форм политической власти по целому ряду (экономических, социальных и политических) направлений. Все это случилось, вне всяких сомнений, в силу особенностей гегемонии США (Agnew 2005: главы 4 и 6). Однако в условиях современности данная гегемония постепенно становится излишней. Влияние капитала ныне все более и более опосредуется глобальными финансовыми рынками, торговлей международных компаний и ограниченными полномочиями мировых регулирующих институтов. Плюсы и минусы данной системы ложатся бременем на плечи всего мира. Если бремя и ложится неравномерно, то эта неравномерность уже не зависит от страновой или блоковой принадлежности. Географические вариации в экономическом росте являются все более и более локальными и региональными как внутри границ, так и между странами.

В глобализации «новым» является не столько глобальность, сколько то, что она представляет собой меняющуюся и экспансивную географическую логику мировой экономики. Другими словами, нова не ее «глобальность», а скорее комбинация глобальных сетей и локальных территориальных фрагментаций, возникающих в 1980-х гг. в результате давления со стороны США и международных институтов, в которых доминирование США бесспорно (например, МВФ), проводить экономическую политику так называемого вашингтонского консенсуса. В предыдущих условиях «глобальности» мировая экономика была структурирована по большому счету (но никогда целиком) вокруг таких территориальных сущностей, как государства, колониальные империи и географические сферы влияния. Основная новизна

8. Империалистический режим может принимать самые различные формы, лишь некоторые из них заслуживают территориального наименования «империя».

9. Два абсолютно разных, как интеллектуально, так и политически автора — Карл Шмитт и Антонио Грамши — первыми обратили внимание на появление того, что Грамши (Gramsci 1977: 81) назвал «англо-саксонской мировой гегемонией».

Здесь я предлагаю называть данный феномен «глобалистским режимом». Аргументы вышеназванных авторов вытекали из разных теоретических предпосылок и отражали совсем разные понимания того, каковы будут последствия глобализма. О Шмитте см. Рауша (Rausch 2003), а о Грамши см. Мортон (Morton 2007). Подробно грамшианские тезисы об истоках и исторических путях развития современного глобалистского режима были рассмотрены мной в другой работе (Agnew 2005).

сегодняшнего дня — возрастающая роль в экономическом процветании или деградации *наднациональных* по отношению к национальным государствам, а также к сетям, связывающих города друг с другом, а также с прилегающими зонами, потоков, а также *все большая дифференциация* локусов и регионов, становящаяся результатом пространственных предрассудков, встроенных в сетевые потоки.

Таким образом, вместо «конца» географии глобализация влечет за собой ее реформирование: мы переходим от экономической картографии мира в понятиях государственных территорий к куда более комплексной мозаике по-разному интегрированных в мировую экономику государств, регионов, глобальных городов-регионов и локусов. Существует геополитика современной глобализации как в отношении ее истоков, так и в отношении ее нынешнего функционирования. В культурном плане мир также скорее «креолизируется», чем американизируется (Pells 1997). Это не удивительно, учитывая все большую культурную гетерогенность США и нужду бизнесменов, будь то американцы, европейцы или кто-то еще, в адаптации своей продукции под различные внутренние и внешние рынки. Важно то, что впервые с XVIII в. «колыбель капитализма» — Западная Европа и США — «имеет столько же оснований испытывать страх перед скоростью перемен, что и периферия» (Desai 2002: 305). Наиболее важным политическим изменением является радикальный упадок автономии множества наиболее влиятельных государств перед лицом глобализации производства, торговли, технологий и коммуникации.

Хотя в США центральная государственная власть и остается относительно сильной (несмотря на проблемы республиканского конституционализма в исполнении своей глобальной роли и хорошо известных случаев неэффективности управления как на федеральном, так и на локальном уровне), ее центральность для мировой политики помещает ее между двумя конфликтующими территориальными импульсами: один толкает к созданию раскиданной по всему миру империи (как в Ираке), другой — к сохранению США в качестве открытой территориальной экономики. Основой их гегемонии является историческое содействие иммиграции, иностранным инвестициям и притоку товаров, а также стимулирование данных тенденций по всему миру. Одновременно США постоянно грозит денежное переизобилие, так как они пытаются осуществлять глобальное вмешательство и удовлетворять запросы своего населения, жаждущего среди прочего пенсий и хорошей системы здравоохранения. Государствам, которые вступают в глобалистский режим, не являясь при этом государствами-гегемонами, едва ли грозит подобное напряжение, так как они получают возможность сократить свои военные траты и тем самым извлечь пользу из своего членства, но, правда, до тех пор, пока они умудряются сохранять относительно высокий уровень центральной государственной власти. Другими словами, открытые границы вполне могут идти на пользу до тех пор, пока государства имеют возможность их закрыть. В противном случае существует опас-

ность того, что глобалистский режим станет имперским для всех государств, кроме самого государства гегемона.

Ни в коем случае не следует ожидать точного соответствия между конкретными государствами и классификацией режимов политико-экономической суверенности. Так, современные США демонстрируют классическую территориальную суверенность в своих границах, будучи при этом основой для глобалистского и империалистического мирового режима. Европейский союз внутри себя представляет интегративный режим; по отношению же к внешнему миру он демонстрирует смесь глобалистского и классического режима — глобалистский в отношении США и классический в отношении, например, России. Некоторые европейские государства, например, Франция, имеют империалистические отношения с некоторыми бывшими африканскими колониями, однако данная практика постепенно сходит на нет. Классификация — это способ облегчить понимание того разнообразия форм, которое может принять политико-экономическая суверенность. Это вовсе не набор категорий, в которые целиком без остатка может быть втиснуто любое государство.

ДЕНЬГИ И ВЛАСТЬ

Используя решающий пример с валютами, которые в материальном плане служат контролю государства и его власти внутри политэкономии (а в символическом плане их выражают), США после коллапса в 1970-х гг. Бреттон-Вудской системы валютного курса с привязкой к доллару активно способствовали повсеместному использованию американского доллара в мировой торговле и финансах. Плавающий по отношению ко всем остальным валютам курс доллара, задуманный администрацией Никсона как мера по деланию американского экспорта более конкурентноспособным, а также по ликвидации дефицита платежного баланса США, стал — пусть и непреднамеренно — основным стимулом к глобализации. Он позволил не только облегчить торговлю, но еще и ускорить распространение глобальной финансовой системы (Andrews 1994; Helleiner 1994)¹⁰. Нет никаких или практических никаких свидетельств о том, что те или иные режимы валютного курса по самой своей сути лучше всех остальных в обеспечении более высокого среднего уровня роста, более низкой инфляции или же более низкой выходной переменной (Baskus 2005). Режимы обменного курса — это, прежде всего, линии передачи, а не производящие энергию механизмы мировой экономики.

Политические следствия данной меры куда более очевидны. Хотя американское правительство и может через Федеральный резерв (американский центральный банк) использовать доллар для манипулирования мировой экономикой в целях поддержания собственных производителей и потреби-

10. Великолепный обзор того, какую роль играют частные финансы в разложении государственной власти, см.: Helleiner 1999.

телей, все же у этой практики есть реальные лимиты, так как США зависят от массовых притоков иностранных инвестиций; кроме того, столь огромное количество долларов, циркулирующих за пределами американских границ, позволяет другим странам (например, Китаю) осуществлять привязку своих валют к доллару и создавать огромные резервы, которые они могут использовать для сохранения привязки и удержания экспортных цен на конкурентном уровне по меркам внутреннего рынка США. В результате американский доллар и иные конвертируемые валюты (евро или японская йена) потихоньку размыли независимую денежную инфраструктурную власть как тех государств, в которых данные валюты имеют хождение, так и своих собственных производителей (то есть США, ЕС и Японию). Последние наряду с обладателями менее мощных валют оказываются жертвами приходящих «извне» валютных шоков. Глобальные рынки во все большей степени определяют относительную ценность того, что еще пока номинально считается национальными валютами, эти валюты свободно колеблются относительно друг друга. Территориальное «внутри» и «вне» государства в том, что касается их материальной значимости, все больше ставится под сомнение. Так, в тех зонах, где США прежде удерживали экономическую гегемонию, гегемония — глобальных рынков валюты — по-прежнему на лицо, но уже без единого государства-гегемона, способного осуществлять *эффективное* вмешательство.

Со времен коллапса Бреттон-Вудских соглашений в начале 1970-х гг. в мире так и не появилось ни одного основополагающего соглашения о валютных курсах¹¹. Именно режим валютного курса — при условии его совмещения со схожими институциональными формами, например, с независимостью центрального банка и контролем за капиталом — является центральным для определения того, как именно валюты взаимодействуют друг с другом, а значит, и для того, до какой степени какая-нибудь конкретная валюта может стать монопольной или же выйти по своей значимости за пределы территории конкретного государства. С 1980-х гг. в некоторых странах попеременно преобладал целый ряд различных режимов валютного курса, другие страны сохранили приверженность какому-то одному режиму. Обычно режимы валютного курса подразделяются на четыре категории: валютные курсы с мягкой привязкой или относительно фиксированные, когда иностранная валюта служит в качестве якоря, но государство допускает возможность вмешательства с целью поддержания привязки; свободно плавающий курс, когда валюте позволяют установить свой собственный валютный курс

в процессе рыночной торговли (пусть и с эпизодическими вмешательствами со стороны одного или нескольких государств); управляемо плавающий курс, когда государство пытается влиять на валютный курс, не имея при этом в виду никакого предустановленного значения или какой-то заранее определенной цели; иные режимы валютного курса, среди которых можно выделить следующие: (1) общая валюта (с плаванием курса под воздействием внешних эффектов); (2) валютная планка, когда внутренняя валюта оказывается строго фиксированной по отношению к иностранной валюте (жесткая привязка) и полностью обеспеченной иностранными активами, что уничтожает государственный контроль; (3) признание иностранной валюты (например, американского доллара) в качестве единственного легального предложения на валютном рынке¹².

В 1980-х гг. режим мягкой привязки преобладал и составлял две трети от всех режимов валютных курсов в мире (Рисунок 1). Возможно, это был пережиток Бреттон-Вудской системы послевоенного периода, когда все конвертируемые валюты были привязаны к американскому доллару, обеспеченному золотом. Однако к середине 1990-х произошла значительная перемена — стал наблюдаться стремительный рост числа валют со свободно плавающим курсом, которые сменяли режим привязки и иные режимы. В 1980-х гг. распространение монетаристских идей среди прочего способствовало укреплению мнения о том, что государствам не следует активно вмешиваться в процесс корректировки валютных курсов. Наиболее истовые глашатаи либеральной глобализации были одновременно и самыми большими поклонниками плавающего валютного курса. Тезис был таков: плавающие курсы могут куда лучше отразить волю инвесторов «сделать ставку» на данную валюту, проявив тем самым оценку инвесторов общего состояния национальной экономики. Свободное плавание курса всегда подразумевало ослабление контроля за капиталом и упрочение независимости центрального банка; тем самым создавались условия для «отступления государства», обоснованного верой в относительную эффективность рыночных механизмов. К 2004 г. возник новый режим, ознаменовавшийся дальнейшим отказом от валют с мягкой привязкой, распространением режима управляемо плавающего валютного курса и иных режимов (в основном в силу появления в 1999 г. евро как новой общей валюты), а также общим снижением числа валют со свободно плавающим курсом. Начиная с 2004 г. произошел дальнейший рост — по отношению к режимам свободного плавания — числа режимов с фиксированным курсом, а также режимов с управляемым пла-

11. Бенджамин Коэн (Cohen 2006) убедительно показывает наличие такого феномена, как мировая «валютная пирамида», когда валюты наверху заставляют большинство валют под ними нести все корректирующие издержки при любых режимах валютного курса. Даже после коллапса Бреттон-Вудской системы, в которой с 1944 по 1972 гг. существовали полуфиксированные относительно американского доллара валютные курсы, иерархия мировых валют вне всякого сомнения продолжала свое существование. И все же конкретные механизмы работы данной иерархии различаются от одного режима валютного курса к другому. На мой взгляд, редукция к единому мировому процессу тут неуместна.

12. Существуют две главные проблемы при классификации валютных курсов. Первая — они действительно ранжируются по континууму. Об этом свидетельствуют сами термины — фиксированный курс, курс с жесткой привязкой, курс с мягкой привязкой, управляемо плавающий курс, свободно плавающий курс. Зачастую провести разделительную черту между различными категориями достаточно трудно. Вторая проблема — валютные курсы комплексным образом увязаны с иными денежными феноменами, например, с контролем за капиталом, а также с тем, как именно координируются фискальная и кредитно-денежная политика.

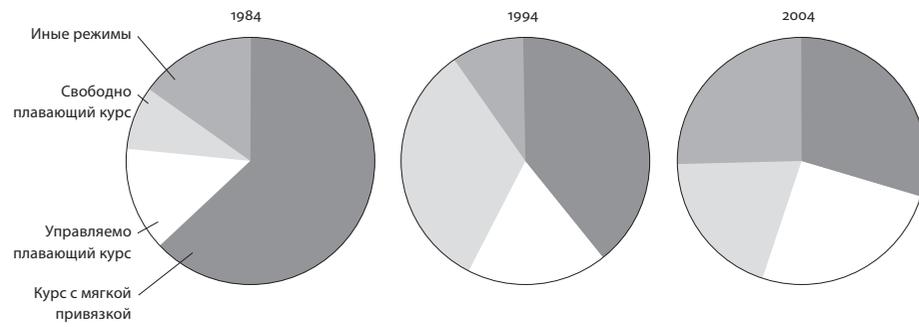

Рисунок 1. Распределение режимов валютного курса по четырем большим категориям: курс с мягкой привязкой, управляемо плавающий курс, свободно плавающий курс и иные режимы, включая курсы с жесткой привязкой, подразумевающие валютные советы и интегрирующие валюты. Годы: 1984, 1994, 2004

Источник: IMF 2004.

ванием курса. Даже учитывая общее ослабление доллара в 2006 и 2008 гг., не случилось никакого стремительного отказа от режимов мягкой привязки (Chung, Garnham 2008). Некоторые страны диверсифицировали свою мягкую привязку, включив в нее еще и евро, но на этом все закончилось.

В этих событиях можно увидеть постепенный упадок режимов валютного курса с привязкой, который продолжается последние сорок лет после коллапса Бреттон-Вудской системы, однако одновременно тут можно усмотреть и повторяющийся динамический цикл смены режимов. Мир валют едва ли находится на едином пути прочь от привязанного курса к режиму свободного плавания. В этом случае у нас бы получился нарратив перехода от политико-экономической суверенности к сфере валют. Как свидетельствуют данные на Рисунке 1, в мире действует целый ряд политико-экономических процессов, это не просто противостояние сохраняющейся системы территориальной валюты, опосредованной якорной валютой (или золотым стандартом), и свободно плавающего (глобального) рыночного капитализма. Реальный опыт режима свободного плавания, особенно в том виде, как он проявил себя в ряде кризисов, например в мексиканском денежном кризисе 1995 г., азиатском денежном кризисе 1997 г., в российском денежном кризисе 1998 г., похоже, связан с плюрализацией режимов: мы имеем дело с уходом от единой всеобщей нормы. Период 1984–1994 гг. был временем расцвета режима свободно плавающего валютного курса. За период с 1994 по 2004 гг. число таких режимов начало сильно уступать количеству режимов с управляемо плавающим курсом, а также курсам с разной степенью привязки.

В отношении моего видения режима с мягкой привязкой, описанного выше, возможна некоторая путаница. С одной стороны, валюта с привязкой отражает решение подчинить национальную валюту иностранной и тем самым отказаться от денежной суверенности (Lake 2007). Таким обра-

зом, она может быть рассмотрена как умеренная разновидность валютной планки с жесткой привязкой. Вывод таков: при свободном плавании курса валюта высвобождается из иерархических отношений с иными валютами. Отсюда следует «свобода» в денежных делах. С моей точки зрения, данный аргумент извращен донельзя. Фиксация — это способ защитить валюту как от рынка, так и от государств, иных по отношению к «якорю»; если сравнивать с такими мерами, как контроль за капиталом и лишение центрального банка независимости, то это лучший способ поддержания государственного контроля за национальной валютой. Если заякоренная валюта — это валюта основного торгового партнера или же именно в ней ведутся экспортные подсчеты, то тем лучше. Общее мнение среди государств таково: привязанные (и управляемые) показатели курса приводят к большей совокупной политической автономии и лучшей стабильности валютного курса. Как считается, опасности импортирования инфляции якоря и необходимости следования его фискально-денежной политике, нивелируются за счет всех этих преимуществ. Валютная планка и замещение иностранной валюты — реальные кандидаты на то, чтобы выступить денежным заменителем подчинения другому государству. Независимое и управляемое плавание курса — это в той или иной степени подчинение рынкам. Действительно ли режим валютного курса с мягкой привязкой способен дать ту автономию и стабильность, которая ему приписывается, — это уже совсем другой вопрос (Shambaugh 2004).

Догмой, если не монетаризма, который всегда благоволил плавающим валютным курсам, то как минимум современной макроэкономики открытой экономики всегда был тезис о том, что не существует никакого «магического» режима валютного курса. Ни один режим не способен гарантировать в одно и то же время мобильность капиталов, необходимый валютный курс и независимую денежную политику. Это так называемая трилемма открытой экономики. Действительно, вместе с возрастающей мировой торговлей и крупными международными инвестициями напряжение между волатильностью валютного курса и внутренней ценовой стабильностью стало как никогда сильным. Согласно некоторым исследованиям, даже когда некоторые государства официально декларируют свою приверженность режиму свободного плавания, они на самом деле практикуют те или иные формы «мягкой привязки» (Calvo, Reinhart 2002). В целом же эмпирические данные свидетельствуют о том, что при всех трудностях классификации режимов, можно — на уровне официальной риторики и реальной практики — говорить об их большом разнообразии; едва ли речь идет о дисперсии вокруг одного центрального или срединного типа (Reinhart, Rogoff 2004). С политической точки зрения, первостепенную значимость представляет собой картографирование основных режимов валютного курса и режимов суверенности. Данный тезис разъясняется ниже. Вопрос о том, какой режим валютного курса с экономической точки зрения является наилучшим, полагается здесь излишним.

Существуют четыре способа существования валюты на любой данной национальной территории, эти четыре способа параллельны четырем

режимам суверенности. Данная параллель свидетельствует о том, что для географии валют четырехчастная схема режимов суверенности имеет вполне конкретную теоретическую пользу. Можно говорить о следующих четырех валютных процессах:

1. *Территориальный*, когда национальная валюта доминирует на территории государства, а население имеет ограниченный доступ к иностранной валюте через фиксированный валютный курс, контролируемый центральной властью; управляемое плавание курса представляет собой промежуточный случай между территориальным режимом и режимом опоры на транснациональную валюту.
2. *Транснациональный*, когда валюта, печатаемая одним государством (обязательно очень влиятельным), получает хождение во всех мировых финансовых центрах, ее курс свободно плавает, и она является стандартной (или резервной) валютой, в которой выражается стоимость всех остальных валют. Использование данной валюты является предпочтительным для международных сделок.
3. *Совместный*, когда формальный денежный альянс действует или через полноценный денежный союз (как в случае с евро и ЕС), или же через структуру экономически равных партнеров, регулирующую валютный курс, когда плавание курса регулируется изнутри или же, в обоих случаях, зависит от внешних факторов.
4. *Замещенный*, когда транснациональная валюта официально или неофициально во всех или большинстве транзакций замещает собой номинальную территориальную валюту данного государства. Замещающая валюта особенно важна как единица хранения накоплений в местных банках, защищающая от инфляции национальной валюты. Кроме того, это удобное для местной элиты средство вывоза капиталов в иностранные финансовые центры. Учитывая центральную экономическую роль США в некоторых регионах мира, данный процесс обычно является процессом долларизации.

Данные процессы могут быть спроецированы на четыре политико-экономических режима (суверенности) с четырьмя примерами, взятыми из таблицы 1 (см. Таблицу 2). Однако, как указывалось ранее, «решения» в пользу того или иного режима не являются раз и навсегда данными. Режимы валютного курса исторически менялись столь же часто, что и валюты с плавающим курсом! Они являются результатом решений государств и иных влиятельных акторов, вытекающих из социализированного понимания этими акторами своих «денежных интересов» (Widmaier 2004: 437). В той или иной степени данные понимания являются отражением взглядов на функционирование государства и рынка в свете их различных структурных соотношений с мировой экономикой, в которых себя обнаруживают государства и локальные акторы, а также институциональных и политических особенностей конкретных государств. Они также являются отражениями суждений о спо-

собности государства влиять или управлять напрямую валютой и связанной с ней системой валютного курса. Отсюда следует, что классический тип может быть рассмотрен как опирающийся на кейнсианскую логику, гласящую, что государства способны нивелировать рыночные сбои; глобалистский — как опирающийся на неоклассический подход, согласно которому государства должны отойти на второй план и позволить рынку реализовывать свою динамику; империалистический — как опирающийся на классическую монетаристскую теорию о том, что ошибки государства неизбежно влекут за собой радикальное рассогласование внутренней и кредитно-денежной политики; интегративный — как опирающийся на смесь кейнсианской теории (внутренняя политика) и неоклассической теории (внешняя политика). Следовательно, валютные процессы не есть прямое следствие неких объективных материальных причин, они опосредованы восприятиями и пониманиями механизмов валютного курса и иных проявлений кредитно-денежной политики, которую государства и иные акторы используют для решения своих проблем.

Таблица 2: Режимы суверенности и валютные процессы (примеры даны по диагонали)

		Режим суверенности			
		Классический	Глобалистский	Интегративный	Империалистический
Доминирующий валютный процесс	территориальный	Китай			
	транснациональный		США и их окружение		
	совместный			ЕС	
	замещенный				Латинская Америка

Каким именно образом в мире рассредоточены различные комбинации режимов суверенности и валютных процессов, обозначенных в Таблице 2? В современном мире все еще существуют валюты, которые представляют собой пример «классической» государственной суверенности¹³. Однако

13. Валюта со свободно плавающим курсом лучше всего интегрирована в мировую экономику с ее независимыми влиятельными финансовыми центрами, в которых американский доллар служит в качестве наиболее общей меры всех сделок. Страны, не имеющие независимой валюты, используют замещающую валюту. Курсы с мягкой привязкой и в меньшей степени управляемо плавающие курсы обозначают те государства, в которых государственная кредитно-денежная власть (и прочие разновидности власти) является относительно территориальной. Страны с валютными советами (курсы с жесткой привязкой) зачастую либо находятся в макроэкономическом кризисе, либо в процессе перехода к неким иным режимам валютного курса. «Сетевые внешние эффекты», эффект снежного кома от окружающих стран, действующих в соответствии с иными режимами, вместе с финансовой глобализацией делают данные «промежуточные» режимы валютного курса все более

общая тенденция последних сорока лет — это движение от подобных консолидированных режимов к иным формам. К 2004 г. валютные курсы с привязкой составляли все более сжимающуюся часть общей шкалы режимов валютного курса; однако затем им удалось несколько улучшить свои показатели (Рисунок 1). Управляемо плавающий курс повсеместно превратился в «баланс» между территориальными и транснациональными режимами (Рисунок 2). В 2005 г., наконец, и Китай совершил переход от мягкой привязки к управляемому плаванию курса. Карта режимов валютного курса, составленная МВФ в 2004 г., демонстрирует большое разнообразие случаев. В Азии режим управляемо плавающего курса преобладает, в этом регионе Китай является главным образчиком режима с мягкой фиксацией курса валюты. Азиатский кризис 1997 г. можно считать знаком свыше, указывающим на лимиты санкционируемой МВФ политики и, соответственно, свидетельствующим о том, что государствам следовало бы создавать свои собственные механизмы защиты как от спекулятивных игр со своей валютой, так и от общих экономических шоков, приходящих извне. В иных регионах режим привязки курса тесно связан с экспортирующими сырье странами (например, Саудовская Аравия), а также со странами, ревностно относящимися к своей суверенности и преследующими различные этнические и националистические цели (например, Украина, Малайзия, Сирия). Как это ни удивительно, режимы независимо плавающего курса преобладают в наиболее глобализированных странах, в том числе и в еврозоне (плавающий курс евро, зависящий от внешних факторов).

Наверное, лучший пример классического / территориального режима — это Китай, валюта которого (юань или жэньминьби) была привязана к доллару вплоть до июля 2005 г., с тех пор ее курс плавает, но под очень жестким контролем. Таким образом, экономика Китая оказывается до определенной степени изолированной от денежных шоков, потрясающих мировую экономику. И все же, учитывая общую зависимость экономического роста страны от промышленного экспорта, а также учитывая хрупкость ее банковского сектора и рынков капитала, Китай не лишен своих собственных серьезных экономических проблем, во многом обусловленных открытием страны для мировой экономике в конце 1980-х гг. Для Китая достижение своих целей во многом зависит от иностранных инвестиций и лицензий на технологии. Кроме того, страна использовала свои огромные внутренние сбережения для инвестирования в казначейские облигации США, которые в отсутствие

нестабильными, подобное давление будет толкать эти государства по пути создания совместных валют (как то происходит со странами центральной Европы, ожидающих своего принятия в зону евро после их вступления в ЕС в 2004 г.), использования замещающих валют или же — что наиболее вероятно в нынешних условиях — установления режима с плавающим курсом валюты. Другими словами, сорок две страны (включая США) вполне могут претендовать на то, что они обладают основными чертами «классической» денежной суверенности. Однако случай США куда более сложен. Во многих случаях отступление центральной государственной власти сопровождается все более комплексной пространственностью потоков валюты и регулирования.

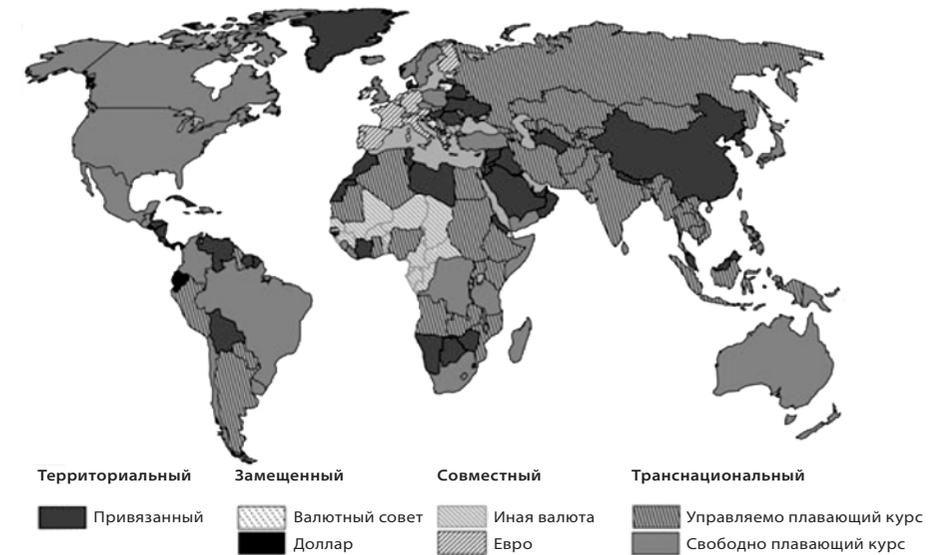

Рисунок 1. Карта режимов валютного курса по категориям (см. текст), 2004 г.
Источник: IMF 2004.

соответствующего экспорта из США, способного покрыть заимствования у Китая, привели к недооценке валютного курса США и Китая и к американскому экономическому расточительству, завершившемуся драматическим экономическим крахом¹⁴. Таким образом, Китай едва ли может быть назван квинтэссенцией изолированной меркантилистской экономики. Но помимо того есть еще и серьезные вопросы, касающиеся направляющей экономической роли Китайской коммунистической партии, а также (этно-региональных) конфликтов, сопутствующих недавнему стремительному экономическому росту страны.

Единственный сегодняшний пример сочетания транснационального валютного процесса с режимом «глобалистской» суверенности — это США. Американский доллар — главная мера международной торговли и коммерции; кроме того, это основная валюта, которую иные государства (например, Китай) используют в качестве резерва. В результате американский доллар является валютой, продвигающей глобализацию. Режим валютного курса, наиболее тесно ассоциируемый с глобалистским режимом, — это свободное или независимое плавание¹⁵. Сочетание американского долла-

14. Среди прочих источников см.: Wolf 2009a; Skidelsky 2009.

15. В части макроэкономической литературы «денежная суверенность» ассоциируется со свободно плавающим курсом. Почему уступка контроля за валютой рынку оценивается именно так, может быть объяснено классической и неоклассической интуицией о том, что валюта должна или действовать по принципу «кошелёк или жизнь!», или банкротиться. Все это не имеет никакого отношения к реальной

ра и режима плавающего валютного курса ставит США в привилегированную позицию, благодаря которой они могут получать все больше реальных ресурсов, просто печатая все больше долларов. Под ресурсами здесь имеются в виду не только относительно дешевые потребительские товары (обратите внимание на лавину товаров из Китая, ввозимую в США по мере того, как макроэкономический дисбаланс между США и Китаем усугубляется на протяжении последних десяти лет), но также и финансовая возможность развертывать большие военные гарнизоны за рубежом без необходимости дополнительного налогообложения собственного населения. В нынешних условиях сжатие глобалистского режима будет подразумевать дальнейшее изменение политического баланса прочь от гегемонии одного могущественного актора.

Лучший современный пример совместной валюты—это евро и связанный с ним проект общеевропейского объединения. С 1999 г. евро стал достаточно быстро вытеснять доллар в качестве валюты, в которой выражаются долги, облигации и торговые цены на территории еврозоны¹⁶. Существует и иные примеры подобного валютного сотрудничества — франк Африканского финансового сообщества (CFA) в Западной Африке, а также валюта Восточного Карибского Союза Валюты (ECCU) в регионе Карибского моря. Исторически многие из национальных валют, например, американский доллар, возникли в результате унификации географически разношерстных валютных систем (Broz 1999).

Наконец, в той мере, в какой территориальная валюта отражает слаботи национальной экономики и в какой она зависит от потоков иностранного капитала, она подвергается постепенному замещению путем все более повсеместного использования транснациональной валюты. На сегодняшний день американский доллар является наиболее важной из всех транснациональных валют, его проникновение идет за счет официальной или неофициальной долларизации, а также — более часто — за счет валютного совета или некоего подобного органа, который изолирует денежные решения от влияния внутренней политики. И в том, и в другом случае притязания на денежную суверенность приносятся в жертву во имя снижения инфляции, повышения иностранных инвестиций и сокращения государственных трат. Многие латиноамериканские страны недавно пережили сочетание валютного замещения с тем, что я называю империалистическим режимом суверенности, хотя при этом лишь очень немногие из них

прошли через полноценную или официальную долларизацию (Эквадор и Сальвадор).

Как именно географически функционируют валютные процессы по отношению к конкретному режиму? Территориальные и совместные валютные процессы могут быть территориализированы с наибольшей очевидностью. Но даже они едва ли могут быть названы полностью закрытыми денежными пространствами. Они вынуждены сосуществовать с транснациональными валютами, например, с американским долларом, которые прорывают границы и бросают вызов национальным валютам по целому ряду направлений (не в последнюю очередь за счет стимулирования развития валютных рынков в финансовых центрах на данных территориях). Все это позволяет начать процесс перераспределения политической власти: центральные банки и финансовые министерства данных стран отныне должны делить власть с внешними акторами финансовой сферы. Львиная доля денежных потоков через государственные границы — это потоки между финансовыми центрами наиболее богатых стран. Уолл-Стрит (Нью-Йорк) и Сити (Лондон) — это ключевые локусы власти, филиалы и сотрудники которых раскиданы по всей мировой экономике, однако их максимальное сосредоточение наблюдается в городах Европы, Восточной Азии и Северной Америки (Martin 1994; Thrift 1994). Данный факт обусловлен тем, что основные глобальные потоки вовлечены в «диверсификацию финансов», призванную сократить риски за счет «тонкой настройки» портфеля ценных бумаг (Taylor 2004: 31). Сто лет назад основная доля мирового капитала в поисках инвестиционных возможностей текла из богатых стран в бедные. Отчасти это было связано с ситуацией существования колониальных валютных блоков, которые использовали одни и те же или сходные валюты с фиксированным курсом (Helleiner 2002). Тот факт, что сегодня капитал идет скорее в обратном направлении — от бедных стран к более богатым — свидетельствует о том, что использование замещающих валют связано скорее со стремлением элит подчиненных государств найти денежный порт в экономических штормах и колебаниях глобальной системы производства и потребления, связанной с подъемом Китая, а вовсе не с политикой гегемонистских государств, изыскивающих возможности использовать валюту в качестве механизма порабощения. Империализм сегодня не может быть назван простым воспроизведением империализма 1890-х гг.¹⁷. Восприимчивость к требованиям ино-

практике полномочий центральных банков, включающих различные механизмы воздействия на валютный курс. С 1970-х гг. только американский доллар может быть назван валютой с плавающим курсом, не противоречащей принципу денежной суверенности, все остальные валюты с плавающим курсом оказываются ассимилированы этой одной главной валютой. В современном мире валюты с мягкой привязкой и с управляемо плавающим курсом — это предельные выражения того, что может быть названо центральной государственной властью в денежной сфере. 16. Например, см.: Hale, Spiegel 2008. Об истории евро см.: Marsh 2009, а также Issing 2008.

17. Если вдаваться в детали, то сегодня с куда большей очевидностью, чем пару лет назад, когда общий поток шел в другом направлении, наблюдается общая тенденция к перетеканию финансов (включая выплаты по процентной ставке и прибыли) от развивающихся стран к странам развитым (от плюс 46 миллиардов долларов США в 1995 г., до минус 683 миллиарда долларов США в 2006 г.). Отчасти данный тренд связан с финансированием долгов, но в основном он обусловлен более высокими сбережениями в таких странах, как Китай. Данные сбережения приводят к обратному движению капитала, так как эти сбережения вкладываются в государственные ценные бумаги, облигации и кладутся на банковские счета в США. Последнее является результатом американского баланса платежей и финансового дефицита, вызванного во многом опорой на китайское производство для амери-

странного капитала составляет главный стимул для некоторых государств и локальных акторов искать приют, пусть и проблематичный, в накоплениях исторически более стабильной транснациональной валюты, например американского доллара, об этом свидетельствуют огромные внутренние и внешние сбережения в этой валюте (в оффшорах и иных местах «засолки долларов»), которые можно обнаружить у граждан и правительств многих государств, особенно в Африке, Латинской Америке и Восточной Европе.

ЧТО ТАМ ВПЕРЕДИ?

Каковы наиболее вероятные в условиях нынешнего взрыва англо-американского неолиберального капитализма сценарии новых комбинаций денег и власти, выражаемых в режимах валютного курса и во вспомогательных мерах (возможные модели были обрисованы мной выше)? Текущий кризис — это кризис глобалистской модели, а также того режима плавающего курса, который с ней сопряжен. Уже даже до финансовой бури 2007–2008 гг. некоторые страны с управляемо плавающим курсом начали отказываться от привязки исключительно к американскому доллару в пользу целой корзины валют. Отчасти это попытка диверсификации риска с целью избежать ситуации, когда одна валюта — пусть это будет даже американский доллар — влияет на состояние национальной валюты. Но одновременно это еще и отражение того факта, что американский доллар становится все более непостоянным. Данное обстоятельство обусловлено склонностью последних администраций США к денежной политике в ущерб налоговой, а также возрастанием дефицита американского торгового баланса и бюджета, что в отсутствие достаточных внутренних сбережений ложится на плечи иностранных владельцев долларов. Эти владельцы все чаще испытывают тревогу относительно доходов по своим долларовым вкладам (*Reuters* 2008; *Yardley, Bradsher; The Economist* 2008a)¹⁸.

Хотя американская экономика и ощутила последствия вышеописанных сдвигов, все-таки именно маленькие экономики с плавающим курсом валюты — Исландия, Венгрия и Новая Зеландия — в 2008 г. приняли на себя главный удар от (почти) крушения основных американских банков и инвестиционных фондов. Открытость мировой торговле, открытость колебаниям

валютного курса, открытость долларовой задолженности — это три основных провозвестника общей уязвимости и опасности для национального экономического роста. Стратегия большей открытости мировой экономики, подкрепленная плавающим валютным курсом, выведенным из-под контроля за капиталом, становится все более сомнительным курсом национального экономического роста. Отсюда под вопрос ставятся сами основания нынешнего глобалистского режима, ну или, по крайней мере, вашингтонского консенсуса, который лежал в основе его экспансии в 80-х гг. XX в. (*Landler* 2008).

В таких условиях классический режим может показаться для некоторых стран как никогда привлекательным. Китай куда лучше других перенес текущий кризис (*The Economist* 2008b). Согласно одному ракурсу, волатильность потоков капитала, связанная с глобалистским режимом, способствует валютному кризису, дефолтам внешнего долга и инфляционными взрывами. Согласно другому ракурсу, не просто управляемый валютный курс, но скорее конкретные меры по контролю за капиталом ограничивают влияние возможных внешних шоков (*Reinhart, Reinhart* 2008). Таким образом, вопреки неолиберлизму, недвусмысленно ратуящему за плавающий валютный курс против контроля за капиталом, данные последних лет свидетельствуют, что именно опыт Китая с режимом управляемо плавающего курса и умеренным контролем за капиталом может оказаться в высшей степени поучительным; он может стимулировать некоторые страны, особенно крупные с эффективным правительством, двинуться в китайском направлении, получая все преимущества от глобалистского режима, но оставаясь при этом институционально ему чуждыми.

Возможно, евро удастся вытеснить американский доллар в качестве якоря глобалистского режима. Такая перспектива нередко рассматривается как вполне возможная. Сегодня, когда американская финансовая система надломлена как материально, так и идеологически, доллар просто обязан сдать свои позиции. Однако у доллара есть и целый ряд опор, позволяющих ему надеяться на сохранение своей глобальной роли. Первая опора — банальная инерция. Повсеместное использование доллара предлагает такой уровень ликвидности и приемлемости, который не может предложить ни один аналог. Подобная массовость или общая значимость лишь усиливается отношениями военного патронирования, которые все еще нависают над зонами с плавающим валютным курсом, например, в Японии, Тайвани или еврозоне. Более того, избавление от долларовых резервов влечет за собой целый ряд проблем. Даже учитывая тот факт, что Китай ежегодно теряет 7–8 процентов своего ВВП (на момент 2008 г.) на своих долларовых резервах, продажа этих резервов обернулась бы катастрофой как для самого Китая, так и для США. Диверсификация в пользу евро имеет смысл. Но и тут есть свои проблемы. Даже учитывая то обстоятельство, что евро, вытесняя доллар, занимает все большую долю резервов в иностранной валюте, внутренние экономические противоречия по мере того, как евро увеличивает свою стоимость по отношению к доллару, принуждают к регулированию еврозо-

канского потребления, которое финансируется китайскими же (и иными) кредитами (*UN* 2007).

18. До саммита «Большой двадцатки», который состоялся второго апреля 2009 г. и был посвящен мировому финансовому кризису, Чжоу Сяочуань, директор Народного банка Китая (китайский аналог центрального банка), предложил переосмыслить мировую денежную систему на основе усиленной версии расчетной денежной единицы МВФ: он выступил за учреждение особого права на получение кредита (Реформа международной денежной системы; www.pbc.gov.cn/english. См. также: *Bergsten* 2009; *The Economist* 2009a). Одновременно китайское правительство провело целый ряд валютных операций с иными странами с целью использования китайских жэньминби в качестве валюты-посредника при осуществлении торговой деятельности (см., например: *Webber* 2009).

ны. Что более важно, долговременные различия в сравнительных затратах на рабочую силу и промышленная конкуренция между северной и южной Европой создают проблемы для правительств, давно привыкших при решении экономических проблем прибегать к кредитно-денежной политике вместо фискальной политики или политике на рынке труда. Евро предрасположен к тому, чтобы испытывать неудобства как от гетерогенности экономик, так и от сохраняющегося могущества политически разнородных национальных правительств тех стран, в которых оно имеет хождение (Eichengreen, Flandreau 2008; Plender 2008).

И все же еврозона как никогда привлекательна для соседних государств (и не просто как спокойная гавань в мировом финансовом шторме). Если отставить в сторону те опасности, которые грозят евро как возможному спасителю глобалистского режима, его будущее как одной из основ интегративного политико-экономического режима кажется как никогда перспективным. Как Венгрия, так и Исландия с томлением взирают на еврозону, наблюдая за тем, как их собственные валюты с плавающим курсом идут ко дну вместе с глобалистским режимом. Недавний кризис, похоже, будет способствовать расширению как ЕС, так и еврозоны. Исландия — очень интересный пример. Это маленькая страна с настолько большим банковским сектором, что ее собственное правительство оказалось неспособно его спасти. Опыт Исландии показывает, что большая часть Европы, не входящая в еврозону, включая даже такие мощные, но все же зависящие от финансов страны, как Великобритания, могут в экономическом плане не выдержать шока, вызванного волной колебаний свободно плавающего валютного курса. Членство в еврозоне позволит проводить общую политику и осуществлять ряд мер по противодействию атакам спекулянтов. Для Исландии это будет значить также и более низкую ставку процента. Однако сама фискальная и микроэкономическая гетерогенность, свойственная еврозоне в ее текущем состоянии, скорее всего, будет препятствовать любому стремительному расширению количества членов. Так что возможны разные сценарии. Однако в целом нынешний кризис, скорее всего, приведет к усилению еврозоны, а также иных проектов по интегрированию суверенности, которые еще только проявятся в грядущие годы (Munchau 2008; *The Economist* 2008c)¹⁹.

Империалистический режим в той степени, в какой он опирается на долларизацию (формальную и неформальную), испытывает сегодня большие

19. Постоянная проблема для еврозоны — недостаток слаженности между кредитно-денежной и фискальной политикой: первая находится в руках Европейского центрального банка, а вторая — в руках государств индивидуальных членов. Если в годы, предшествовавшие введению евро, было на лицо удивительное соответствие долговременной доходности облигаций (мера общей экономической интеграции) (Swanson 2008), то в последние годы наблюдается возрастающее и тревожащее расхождение между доходностью облигаций Германии и аналогичными показателями Греции, Италии и Ирландии. В отсутствие индивидуальных валют с плавающим курсом, способных передать скептицизм, этот факт является отражением возрастающего беспокойства инвесторов относительно устойчивости экономик только что названных стран (*The Economist* 2009c).

проблемы. Даже страны, которые прошли через формальную долларизацию, например, Эквадор, сегодня проводят политику, идущую в разрез с традиционными рецептами, которые дает США для успешного экономического роста и социального благоустройства. По мере того, как американский доллар теряет свою привлекательность в качестве спасения от инфляции местной валюты и национальных программ по перераспределению прибыли, империалистический режим просто обязан идти на спад. Одновременно страны, являющиеся экспортерами основных благ, например, нефти, промышленного сырья, продовольствия, вполне могут стать свидетелями усиления своих валют без относительно того, является ли их курс привязанным и регулируют ли они его. Импортёры, особенно нефти и продовольствия, вполне вероятно будут наблюдать обратную динамику. До тех пор, пока существует хотя бы намек на то, что более бедные страны не получают значительных преимуществ от гибкости валютных курсов, у них есть все основания для того, чтобы двигаться по направлению к валютному курсу с привязкой, а значит и к классической суверенности (Husain et al. 2005). Удастся ли им когда-нибудь успешно завершить данный процесс, зависит отнюдь не только от того режима валютного курса, который они выберут.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В той степени, в какой прежнюю эпоху можно было назвать эпохой глобального доминирования США, сегодня можно говорить о наступлении ее конца. Однако мировая экономика в последние годы была отнюдь не только экономикой американского доминирования (собственно, именно это я и хотел показать). Образ гегемонистских эпох с государствами,двигающимися вверх и вниз по метафорическому эскалатору, заслуживает значительной корректировки, как в историческом, так и в географическом плане. Используя идею денежной власти, я попытался показать, что мышление в понятиях одной или двух моделей мировой власти должно уступить мышлению как минимум в четырех.

В той степени, в какой каждый из нас способен заглянуть в будущее, глобалистский режим, созданный и проталкиваемый США, похоже, ждут значительные испытания. Нарратив последних трех десятилетий, касающийся рынков и правительств, пришел к своему завершению²⁰. Приведет ли это к схожему новому глобальному режиму, но на этот раз менее неолиберальному — вот главный вопрос сегодняшнего дня. США чуть уязвлены, но все же у них еще есть шансы на внутреннюю перестройку. Тех, кто мог бы заместить их, пока нет на горизонте, если не считать того, что в качестве новых лидеров могут выступить ЕС и Китай. При этом многие акторы, в том числе и Китай, заинтересованы в глобализме того или иного рода. Геополитически все оказывается куда сложнее, чем то предполагает нарратив простой

20. Примечательно «марксистский» анализ нынешнего кризиса см. в несколько странном для такого подхода источнике: Wolf 2009b.

премущественности гегемонов. Мне не кажется вероятным сценарий смены нынешней ситуации плюрализма единой системой (пусть даже нас ждет еще большее количество призывов к плюралистической общественности дать «глобальные» ответы на мировые проблемы). Это хорошо. Это открывает возможность перестройки мировой экономики под куда большее соответствие местным особенностям. Отсылая к идее «двойного движения» Карла Поланьи, касающейся рыночного обмена и государственного вмешательства, и называя сегодняшнюю ситуацию вторым шагом, то есть временем реакции на эксцессы шага первого, Роберт Уэйд делает схожий вывод. Он пишет о том, что грядущий период будет периодом «отсутствия консенсуса, когда появится больше пространства для стандартов и институтов, являющихся экономическими и финансовыми альтернативами системных предписаний неолиберализма»²¹ (Wade 2008: 21).

Перевод с английского Дмитрия Узланера

ЛИТЕРАТУРА

- Agnew J. Homeownership and the Capitalist Social Order // M. Dear, A. Scott (Eds). *Urbanization and Urban Planning in Capitalist Society*. London: Methuen, 1981. P. 457–480.
- Agnew J. *Hegemony: The New Shape of Global Power*. Philadelphia: Temple University Press, 2005.
- Andrews D. M. Capital Mobility and State Autonomy: Towards a Structural Theory of International Monetary Relations // *International Studies Quarterly*. 1994. № 38. P. 193–218.
- Armijo L. E. The Political Geography of World Financial Reform: Who Wants What and Why? // *Global Governance*. 2001. № 7. P. 379–396.
- Backus D. K. Comment on: «Exchange Rate Regime Durability and Performance in Developing versus Advanced Economies» // *Journal of Monetary Economics*. 2005. № 52. P. 65–68.
- Bergsten F. Beijing's Currency Idea Needs to be Taken Seriously // *Financial Times*. 2009. 9 April.
- Blackburn R. The Subprime Crisis // *New Left Review*. 2008. № 50. P. 50–106.
- Blackburn R. Value Theory and the Chinese Worker // *New Left Review*. 2009. № 56. P. 128–135.
- Braga de Macedo J., Cohen D., Reisen H. (Eds). *Don't Fix, Don't Float: The Exchange Rate in Emerging Markets, Transition Economies and Developing Countries*. Paris: OECD, 2001.
- Broz J. L. Origins of the Federal Reserve System: International Incentives and the Domestic Free-rider Problem // *International Organization*. 1999. № 53. P. 39–70.
- Bulard M. Financial Realities after the Dollar // *Le Monde Diplomatique*. 2008. November.
- Calvo G. A., Reinhart C. M. Fear of Floating // *Quarterly Journal of Economics*. 2002. № 117. P. 379–408.
- Cerny P. G. Globalization and the Changing Logic of Collective Action // *International Organization*. 1995. № 49. P. 545–625.
- Chung J., Garnham P. Plummeting Dollar a Big Headache for Pegged Currencies // *Financial Times*. 2008. 14 March.
- Cohen B. J. *The Macrofoundations of Monetary Power* // D. M. Andrews (Ed). *International Monetary Power*. Ithaca: Cornell University Press, 2006. P. 35–61.
- Desai M. *Marx's Revenge: The Resurgence of Capitalism and the Death of Statist Socialism*. London: Verso, 2002.
- d'Iribarne P. A Check to Enlightened Capitalism // C. Crouch, W. Streeck (Eds). *Political Economy of Modern Capitalism*. London: Sage, 1997. P. 161–172.
- Eichengreen B., Flandreau M. The Rise and Fall of the Dollar, or, When did the Dollar Replace Sterling as the Leading International Currency? // *National Bureau of Economic Research. Working Paper 14 154*. 2008.
- Ferguson N. *The Cash Nexus: Money and Power in the Modern World, 1700–2000*. New York: Basic Books, 2001.
- Gramsci A. *Selections from the Political Writings, 1910–1920*. London: Lawrence and Wishart, 1977.
- Hale G., Spiegel M. M. The EMU Effect on the Currency Denomination of International Bonds // *Federal Reserve Bank of San Francisco Economic Letter*. 26 September 2008.
- Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. *Global Transformations: Politics, Economics and Culture*. Stanford: Stanford University Press, 1999.
- Helleiner E. *States and the Reemergence of Global Finance: From Bretton-Woods to the 1990s*. Ithaca: Cornell University Press, 1994.
- Helleiner E. Sovereignty, Territoriality and the Globalization of Finance // D. A. Smith, Solinger D. J., Topik S. C. (Eds). *States and Sovereignty in the Global Economy*. London: Routledge, 1999. P. 75–93.
- Helleiner E. The Monetary Dimensions of Colonialism: Why did Imperial Powers Create Currency Blocs? // *Geopolitics*. 2002. № 7. P. 5–30.
- Hirst P., Thompson G. *Globalization in Question*. Cambridge: Polity, 1996.
- Hofmann H. W. Mapping the European Administrative Space // *West European Politics*. 2008. № 31. P. 662–676.
- Husain A. M., Mody A., Rogoff K. S. Exchange Rate Durability and Performance in Developing versus Advanced Economies // *Journal of Monetary Economics*. 2005. № 52. P. 35–62.
- IMF. Classification of Exchange-Rate Arrangements and Monetary Policy Frameworks, <http://www.imf.org/external/np/mfd/er/2004/eng/o604.htm> (Accessed 10 July 2009).
- Issing O. *The Birth of the Euro*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Lake D. A. Escape from the State of Nature: Authority and Hierarchy in World Politics // *International Security*. 2007. № 32. P. 65–66.
- Landler M. West is in Talks on Credit to Aid Poorer Nations // *New York Times*. 2008. 24 October.
- Mann M. The Autonomous Power of the State // *European Journal of Sociology*. 1984. № 25. P. 185–213.
- Marsh D. *The Euro: The Politics of the New Global Currency*. New Haven: Yale University Press, 2009.
- Martin R. Stateless Monies, Global Financial Integration and National Economic Autonomy: The End of Geography? // S. Corbridge, R. Martin, N. Thrift (Eds). *Money, Power, Space*. Oxford: Blackwell, 1994. P. 253–278.
- Milner H. V., Keohane R. O. Internationalization and Domestic Politics // R. O. Keohane, H. V. Milner (Eds). *Internationalization and Domestic Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 1–22.
- Morton A. D. *Unravelling Gramsci: Hegemony and Passive Revolution in the Global Economy*. London: Pluto, 2007.
- Munchau W. Now They See the Benefits of the Eurozone // *Financial Times*. 2008. 2 November.
- Parboni R. Il conflitto economicomondiale. *Finanza e crisi internazionale*. Milan: Etas Libri, 1985.
- Pells R. *Not Like Us: How Europeans have Loved, Hated, and Transformed American Culture since World War II*. New York: Basic Books, 1997.
- Plender J. Don't Assume the Euro Will Displace the Dollar // *Financial Times*. 2008. 24 September.
- Rausch W. Human Rights as Geopolitics: Carl Schmitt and the Legal Forms of American Supremacy // *Cultural Critique*. 2003. № 54. P. 118–129.
- Reinhart C. M., Reinhart V. Capital Flow Bonanzas // *National Bureau of Economic Research. Working Paper 14 321*. 2008.
- Reinhart C. M., Rogoff K. S. The Modern History of Exchange Rate Arrangements: A Reinterpretation // *Quarterly Journal of Economics*. 2004. № 119. P. 1–48.
- Reuters. China Paper Urges New Currency Order after «Financial Tsunami». 2008. 17 September.
- Rodrik D. A «Plan B» for Global Finance // *The Economist*. 2009. 14 March.
- Scott A. *Regions and the World Economy*. Oxford: Oxford University Press, 1998.
- Shambaugh J. C. The Effect of Fixed Exchange Rates on Monetary Policy // *Quarterly Journal of Economics*. 2004. № 119. P. 301–352.
- Skidelsky R. The World Financial Crisis and the American Mission // *New York Review of Books*. 2009. 16 July.
- Starr M. A. One World, One Currency: Exploring the Issues // *Contemporary Economic Policy*. 2006. № 24. P. 618–633.

21. Иной, пусть в конечном счете и схожий взгляд см.: Rodrik 2009.

- Stulz R. M. The Limits of Financial Globalization // *Journal of Finance*. 2005. № 60. P. 1595–1638.
- Swanson E. T. Convergence of Long-term Bond Yields in the Euro Area // Federal Reserve Bank of San Francisco Economic Letter 21. 2008. November.
- Taylor A. M. Global Finance: Past and Present // *Finance and Development*. 2004. March.
- The Economist (2008a). A Taxonomy of Trouble. 2008. 25 October.
- The Economist (2008b). China's Economy: Domino or Dynamo? 2008. 11 October.
- The Economist (2008c). No Room in the Ark: The Euro May not be Quite as Safe a Haven as Enthusiasts are Claiming. 2008. 15 November.
- The Economist (2009a). Handle with Care: China Suggests an end to the Dollar Era. 2009. 28 March.
- The Economist (2009b). High Tensions. 2009. 7 February.
- Thrift N. On the Social and Cultural Determinants of International Financial Centres: The Case of the City of London // S. Corbridge, R. Martin, N. Thrift (Eds). *Money, Power, Space*. Oxford: Blackwell, 1994.
- UN. World Economic Situation and Prospects, 2007. New York: UN Department of Economic and Social Affairs. www.un.org/esa/policy/wess2007files/wesp2007.pdf (Accessed 17 June 2009).
- Wade R. Financial Regime Change? // *New Left Review*. 2008. № 53. P. 5–21.
- Walter A. Domestic Sources of International Monetary Leadership // D. M. Andrews (Ed). *International Monetary Power*. Ithaca: Cornell University Press, 2006. P. 62–93.
- Webber J. China and Argentina in Currency Swap // *Financial Times*. 2009. 31 March.
- Widmaier W. W. The Social Construction of the «Impossible Trinity»: The Intersubjective Bases of Monetary Cooperation // *International Studies Quarterly*. 2004. № 48. P. 433–453.
- Wolf M. (2009a) *Fixing Global Finance*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2009.
- Wolf M. (2009b) *Seeds of its Own Destruction* // *Financial Times*. 2009. 9 March.
- Yardley J., Bradsher K. China, an Engine of Growth, Faces a Global Slump // *New York Times*. 2008. 23 October.